

В туннеле сразу стало намного тише.

Никаких «хочу — не хочу»: весь личный состав начал собирать вещмешки и готовиться к бою!

Пока все были заняты донельзя, я, напротив, почувствовал, что мне совершенно нечего делать. Увидев, что до выхода еще четыре часа, я повалился на койку и заснул.

Среди ночи меня разбудил старик Лю:

— Вставай. Через два часа общий сбор полка!

Я взглянул на часы — без пяти одиннадцать.

Бойцы взвода уже суелись, выстраиваясь в колонну, чтобы выдвинуться к месту сбора в туннеле рядом с ротным штабом.

Вдоль туннеля разносились лишь приглушенные окрики офицеров, лязг оружия и шуршание брезентовых кед по земле. Все напустили на себя суровый вид, лица были напряжены.

Местом сбора нашего полка служил огромный отрезок туннеля. Когда мы, выстроившись цепочкой, влились в этот туннель, увиденное вокруг потрясло каждого.

Командир полка стоял в стороне, а шедшие позади бойцы держали в руках красное знамя восьмидесят первого года. Подразделения пехотного полка — пехотные роты, минометная рота, саперная рота и прочие — выстроились по порядку; командиры рот застыли перед своими строями, а полностью экипированные бойцы стояли навтыжку. В отблесках настенных светильников ряды штыков отливали зловещим холодным блеском. Рядом со строем грозно застыли штатные полковые артсредства: 107-миллиметровые реактивные системы залпового огня и 82-миллиметровые минометы.

Чеканя шаг, наша рота следом за предыдущим подразделением добралась до назначенного места сбора. Несколько сотен пар кед глухо и тяжело стучали по каменному полу туннеля, словно тяжелая и мощная барабанная дробь перед выступлением в поход.

Впереди меня Го Юн с заплечным противотанковым ракетным комплексом держал спину прямо. Перед выходом старик Го отобрал у меня эту пусковую установку.

Позади нас стояли десятки армейских грузовиков под маскировочными тентами. Кабины машин были укрыты антиинфракрасной маскировочной тканью, а шоферы надели индивидуальные приборы ночного видения. Похоже, сегодня ночью нам предстояло ехать на фронт на грузовиках.

Когда на месте собралась тысяча с лишним человек, командир Жэнь прошел вдоль строя с инспекцией. И в этот самый момент снаружи донесся потрясший землю грохот канонады.

Бой начался!

Командир приказал отдыхать на месте и ждать приказа о выступлении. Я взглянул на время — десять минут двенадцатого.

Все уселись прямо там. Никто не разговаривал, бойцы лишь с замиранием сердца прислушивались к грозным раскатам нашей артиллерии.

Оглушительный грохот снарядов снаружи не смолкал ни на минуту, и даже спустя два с лишним часа канонада и не думала прекращаться.

Ровно в три часа ночи командир полка с только что полученной сводкой в руках быстрыми шагами подошел к началу строя.

— Товарищи, операция началась! Сегодня наш полк участвует вовсе не в прорыве, а в операции на окружение!

Щелк!

Все командиры и бойцы в едином порыве вскочили на ноги, и в следующую секунду тысячи каблучков слитным грохотом ударились друг о друга.

Лицо командира Жэня покраснелось. Размахивая боевой сводкой, он взволнованно и громко продолжил:

— Я знаю, что после отступления от самого Гуандуна до этих мест многие командиры затаили сильнейшую обиду, а многие бойцы испугались! Почему? Да потому что когда-то мы были непобедимой армией, армией-героем, а сегодня терпим поражение за поражением!

Мы опозорили почетное звание этого соединения, предали надежды народа нашей родины и вдобавок посрамили землю у нас под ногами.

Бой, в который мы сейчас вступаем, преследует цель окружить 8-ю группировку армий США!

Мы — солдаты республики. Сегодня мы должны смыть свой позор оружием, что держим в руках!

Мы должны отстоять им достоинство этого соединения!

Мы должны отстоять им достоинство китайцев!

Китай велик, но отступать нам больше некуда!

В атаку!

Не в силах сдержать чувства, командир из последних сил широко распахнул глаза и испустил яростный рев.

— В атаку! В атаку! В атаку!

Более тысячи командиров и бойцов подхватили яростный клич командира. Зычный лозунг долго метался под сводами туннеля, отчего с потолка сыпалась мелкая пыль.

По машинам!

Бойцы повзводно забрались в кузова грузовиков, а полковые 107-миллиметровые реактивные установки прицепили сзади к машинам. Командир полка залез в головную бронированную командно-штабную машину.

Моторы взревели, машины выстроились в колонну прямо в туннеле в ожидании приказа на выезд.

Все сидели в кузовах, с тревожным трепетом ожидая момента, когда колонна тронется.

— Командир взвода, мне приспичило по-маленькому.

В темноте кто-то из бойцов робко и тихонько обратился к сидевшему у самого края кузова старику Лю.

— Твою мать! И чего не приспичило раньше или позже, почему именно сейчас. Еще даже чертей не увидал, а уже раскис, — негромко выругался шедший за мной Го Юн.

Получив разрешение старика Лю, боец камнем выпрыгнул из грузовика и бросился искать укромное местечко. Мне стало немного смешно, хотя дыхание у всех братьев по оружию было тяжелым.

Напряжение неизбежно. Стоит побывать хотя бы в одном бою, и когда боевой товарищ падает впервые, нервозность и страх заметно утихают.

Быть может, сегодня мне уже не улыбнется прежняя удача.

Я принялся молча размышлять, обводя взглядом темный кузов и пытаюсь разглядеть лица каждого, чтобы крепко-накрепко запечатлеть их в памяти.

Все эти лица были молодыми, и многие из них прежде молчаливо проживали где-то на задворках мира, уткнувшись носом в землю. Но война — эта удивительная штука — взяла и сплела в тугой узел совершенно чужих людей, которым, возможно, не суждено было бы встретиться за всю жизнь. В предстоящие годы всем нам было суждено зависеть друг от друга.

Быть может, мое бездыханное тело кто-то из них потащит обратно в туннель.

Проронят ли они слезу, глядя на мой труп?

Прислонившись спиной к борту, я выглянул из кузова наружу, долго всматриваясь в тени у поворота туннеля.

Грохотающие на поверхности взрывы словно внезапно отдалились, и мне вдруг захотелось выкурить сигарету. Сообразив, что это тоже признак нервного напряжения, я тут же сменил позу и выпрямил спину.

Вперед! Находившийся у выхода из туннеля штабной офицер взмахнул маленьким красным флажком, подавая сигнал к началу движения.

Моторы колонны взвыли на предельных оборотах, и несколько десятков боевых машин ринулись в безбрежную ночную тьму, словно алчущие звери.

Крепко вцепившись в борт, мы провожали взглядом длинный тоннель, который грузовики оставляли позади.

По мере того как рев взрывов в ушах резко нарастал, автоколонна вырвалась на шоссе за пределами гор.

Саперы успели в спешном порядке залатать дорогу, которую неприятель незадолго до того разворотил до ухабов, и по полотну теперь могли проехать грузовики, хотя скорость хода приходилось сбрасывать.

Грузовики шли с выключенными фарами, а водители в приборах ночного видения осторожно следовали за впереди идущими машинами.

Скорость грузовиков то возрастала, то падала, и постепенно мы миновали наши собственные передовые рубежи обороны.

Глядя из кузова назад на горы, я видел, что массивный заградительный огонь нашей

тяжелой артиллерии и не думал затихать: бесчисленные горные позиции изрыгали воронки снарядов гаубиц и пушек всех калибров. Время к ним присоединялись батареи РСЗО, чьи багровые следы ракет в мгновение ока окрашивали небосвод в кровавый цвет. Траектории бесчисленных реактивных снарядов и прочих боеприпасов свисали с небес словно наспех брошенные водопады, создавая поистине грандиозное зрелище.

Яростный гул артиллерийских залпов напоминал рев бесчисленных стальных чудовищ. Сама гора казалась пробудившимся от сна раненым гигантом, который источал сияние мести и с яростью сеял смерть среди врагов.

Это была первая крупномасштабная полномасштабная конвенциональная война современного типа в XXI веке.

Сегодняшней ночью в самом сердце Китая китайцы наконец развернули колоссальную стратегическую контрнаступательную операцию одновременно на северном и западном фронтах.

Девятисоттысячная армия Юго-Западного фронта и двухмиллионная армия Северного фронта, подобно двум исполинским серпам, врезались во врага с обоих флангов. Целью этой операции было полное уничтожение восемнадцати дивизий и более чем трехсот тысяч личного состава 8-й группировки армий США.

Параллельно с форсированием реки силами группировки Северного фронта наше оказавшееся в окружении соединение присоединилось к наступательной операции на уничтожение.

Начало этой операции стало полной неожиданностью для неприятеля.

Командование союзников полагало, что ни одно подразделение не осмелится пойти в атаку на мощные силы американо-воздушной координации, ибо это было бы лишь бессмысленным отправлением своих скудных стратегических мобильных резервов прямиком в объятия смерти. Они были твердо уверены, что на этом поле боя, усеянном современными датчиками, любое медленное передвижение устаревших полумеханизированных частей противника не сможет скрыться от обнаружения американскими средствами разведки и неминуемо будет уничтожено их мощной воздушно-наземной огневой мощью — даже если речь идет о несколько не страшась смерти китайских войсках.

Из-за ошибочных подсчетов американцы решили, что на южном и западном фронтах уже разгромлено свыше полутора дивизий основных сил Народно-освободительной армии Китая, а оставшиеся регулярные полевые части, спешно сформированные Юго-Западным и Северо-Западным военными округами Китая, насчитывают не более ста дивизий при острейшем дефиците тяжелого бронетанкового вооружения.

Американцы планировали продолжать переброску на западнофронтовый театр новоприбывших тяжелых механизированных частей и бронекавалерийских дивизий в расчете до наступления сезона дождей на юге Китая прорвать оборону в районе Хунани, Сычуани, Гуйчжоу и

Юньнани, полностью сокрушить военно-промышленный потенциал южных и юго-западных регионов Китая, а затем развернуться и ударить напрямик по провинциям Шэньси и Ганьсу к северу от Янцзы.

Расчет был неплох, вот только на предыдущем этапе именно те части западного фронта Китая, которые враг считал никуда не годными по оснащению, накрепко удерживали линию фронта.

Основные силы нашей армии в районах Хунани и Хубэй за счет пересеченной горной местности измотали неприятеля, заставив свежие тяжелые механизированные соединения США за почти что месяц боев продвинуться менее чем на сто километров. Теперь же кратчайшее расстояние по прямой от побережья до переднего края превышало тысячу триста километров, и столь протяженное плечо снабжения колоссально снижало эффективность тыловой поддержки противника.

Теперь западнофронтовая ударная группировка американцев выбилась из сил, а южная ударная группировка точно так же была намертво прикована полевыми частями нашего военного округа Юньнань-Гуандун-Гуйчжоу, не говоря уже о переходе к новым крупномасштабным обходным планам.

Основные силы южной ударной группы врага находились в семистах с лишним километрах от западной ударной группы; они уже осознали опасность рассечения и окружения своих сил, но всё еще переоценивали боеспособность собственной пехоты. К тому же противник пока испытывал дефицит достаточных запасов для стратегической переброски, а потому еще не заполнил эту зияющую брешь на практике, лишь планируя заткнуть дыру в обороне через неделю с прибытием свежих тяжеломеханизированных подкреплений.

Наша армия перешла в стратегическое контрнаступление до прибытия вражеских подкреплений, рассчитывая в полной мере использовать просчеты неприятеля в стратегическом планировании: сперва разгромить относительно слабые фланговые части врага на стыке юго-западных рубежей, а затем замкнуть кольцо окружения вокруг западнофронтовой группировки противника.

В радиусе пятисот километров на восточном и южном направлениях от нас было рассредоточено до двухсот тысяч механизированных сил противника; а в тылу к тому же постепенно подтягивались резервы численностью свыше шестисот тысяч офицеров и солдат — и все они были укомплектованы тяжелой механизированной техникой!

На направлениях ударов нашего Юго-Западного и Южного фронтов находились так называемые трехдивизионные силы пятинациональной коалиции союзников, а также отведенные с передовой на переформирование 82-я воздушно-десантная и 24-я дивизии армии США — в общей сложности девяносто тысяч человек наземных войск; на севере от нас располагались две дивизии коалиции вкупе с американскими 19-й, 20-й и 17-й дивизиями общей численностью свыше ста тысяч личного состава; на востоке — одна дивизия коалиции и 31-я дивизия японской армии насчитывали более тридцати тысяч штыков, а на острие западного удара скучковалась ударная армейская группировка под началом 8-й армии США численностью около трехсот двадцати тысяч человек.

Наиболее мощными силы врага были на севере: они контролировали глубоко эшелонированные оборонительные позиции шириной около ста и глубиной пятьсот километров вдоль реки, однако противник нес страшные потери от изматывающих ударов местных формирований и партизан в гористой местности к северу от Янцзы. Эта артерия снабжения была весьма ненадежной. В то же время наш Северный фронт перешел в наступление на фронте шириной более девятисот километров, и только силы, задействованные в окружении западной ударной группировки неприятеля, превышали миллион человек — не считая огромного количества местных формирований и партизанских отрядов в речном бассейне. При этом часть главных сил уже приступила к форсированию реки в ходе сегодняшней ночной атаки.

Сегодня же наше многотысячное, измотанное тяжелейшими боями и зажатое в тиски соединение внезапно нанесло удар в тылу вражеских сил на западе, нацелив острие прямо в уязвимый тыл западной группировки неприятеля.

Наша задача заключалась в том, чтобы отрезать более чем трехсоттысячный передовой кулак врага от протяженной линии фронта на юго-западе, а затем, подобно стальному затвору, наглухо захлопнуть пути отхода передовых частей неприятеля на западе.

Ключом к этому стратегическому контрнаступлению было то, как именно задействовать наше соединение для содействия наступающим в Хунани главным силам в операции на окружение. Нашему соединению предстояло совершить внезапный выпад, ударить во фланг противнику в обратном направлении и совместно с Юго-Западным фронтом перерезать двухсотдесятикилометровый коридор, связывавший врага с южным театром военных действий!

Это должно было стать столкновением неравных сил, но командиры с обеих сторон были преисполнены непоколебимой уверенности в победе!

Будучи фланговым прикрытием головной ударной группировки, три наши пехотные дивизии ставили целью ночной операции расположенную примерно в двадцати пяти километрах к юго-западу от оборонительного рубежа 7-ю механизированную пехотную дивизию 2-й армии США, которую наша ударная группировка к тому времени уже изрядно потрепала и дезориентировала. Требовалось помешать ей отступить по внешней автостраде в сторону расположенного в шестидесяти километрах столично-провинциального центра и совместно с главными силами полностью уничтожить эту дивизию.

В дальнейшем наша дивизия должна была совершить маневр, быстро расширить глубину южного оборонительного рубежа нашей армии в юго-западном горном районе и совместно с союзными войсками возвести полосу обороны глубиной восемьдесят километров.

Три часа назад передовые механизированные бронетанковые части нашей армии при напутственной поддержке тяжелой артиллерии уже вклинились в неприятельские позиции. Они планировали повернуть на запад в районе столичного города для соединения с ударной группировкой Юго-Западного фронта и перерезания путей отхода западной группировки врага, и в настоящее время уже глубоко вгрызлись на тридцать километров вглубь вражеской обороны.

Проехав около сорока минут по тряскому шоссе, мы начали спешиваться для сбора.

В темноте бесчисленные бойцы молниеносно собирались воедино, а тихий шепот при перекличке и лязг оружия на бегу создавали атмосферу предельного накала, словно перед натянутой тетивой.

Всего за несколько минут грузовики быстро высадили десант и развернулись обратно.

Спрыгнув с кузова, я с недоверием огляделся по сторонам. Примерно в четырех километрах вдали бушевало пламя и клубился густой дым — судя по всему, там находились вражеские позиции.

Как мы могли вот так вальяжно собираться в такой опасной близости от неприятеля?

Я даже не верил собственным глазам.

— Живей, нечего время терять. Готовься к броску.

Заметив, что я застыл в оцепенении, старик Лю толкнул меня в спину.

Под командованием политрука старика Мо рота быстро построилась, и бойцы замерли на месте в ожидании приказа командира.

Неподалеку от нас две ремонтно-эвакуационные машины латали подбитый врагом танк типа 79, а танкист с перевязанной головой помогал им рядом.

Через несколько минут прибежал командир роты Тянь.

— Задача нашей роты — во взаимодействии с первой и второй ротами атаковать позиции 2-го батальона 3-й механизированной пехотной бригады 7-й механизированной пехотной дивизии противника! Первый и второй взводы наступают двумя эшелонами, я веду за собой группу, в каждом взводе выделить по отделению в качестве головного дозора. Действуйте методом тройек, наступайте рассредоточенным порядком, не сбивайтесь в кучу! Минометному взводу прикрывать основные силы, автоматическим гранатометам быть готовыми к стрельбе в любой момент, прицел четыреста, особое внимание уделяйте защите флангов. Безоткатные орудия не использовать, это легко демаскирует позиции. Противотанкистам быть начеку с бронетехникой противника, готовиться к пуску в любую секунду. Третий взвод и спецвзвод образуют резерв и движутся следом за минометным взводом вместе со штабом роты, политрук действует с ротным управлением. Роте, немедленно приступить к выполнению задачи!

Отдав приказ, командир роты тут же сверился с командирами первого и второго взводов, распределив маршруты продвижения и приданные силы, и спустя мгновение ушедшие вперед бойцы растворились в складках холмистой местности.

Старик Лю, оставшийся без передовой роли, недовольно проворчал что-то себе под нос и наградил увесистым шлепком по задку зазевавшегося бойца своего взвода.

Это была холмистая местность на окраине небольшого городка. Оборона неприятеля всего за несколько часов до этого была разорвана на куски проломом шириной в добрый десяток километров, и под подавляющим огнем нашей дальнобойной артиллерии враг, судя по всему, еще толком не пришел в себя.

Но неужели мы действительно могли так запросто пойти в атаку на противника?

Предаваясь сумбурным мыслям, я двинулся вперед вместе с подразделением.

По пути то и дело попадались сожженные нашей армией вражеские бронемашины и прочая бронетехника неопределенных моделей, а время от времени — дымящиеся остовы сбитых вертолетов неприятеля.

Артиллерия полкового и дивизионного подчинения по наводке корректировщиков вела огонь с последовательным переносом в глубину обороны врага. Пройдя с десятков минут, передовой отряд нашей роты завязал бой с неприятелем. Враг попытался закрепиться в зданиях и за бронетехникой, чтобы остановить продвижение наших войск, в дело пошли минометы. Бой вспыхнул в одно мгновение.

Увидев, что впереди завязалась перестрелка, старик Лю вытянул шею, снедаемый нетерпением. Командиры отделений принялись торопить бойцов скорее продвигаться вперед.

По мере того как противотанковые гранаты взрывались одна за другой, вражеские снайперские точки, выдавшие себя стрельбой, методично уничтожались.

Штурмовая группа под личным командованием командира роты уже ворвалась на позицию противника!

Связисты нашего тыла поддерживали бесперебойную связь со штабом батальона, а политрук периодически останавливался, докладывая в батальон о нашем продвижении. Радиосвязь ожидаемо не работала, так что бойцам взвода связи при штабе роты приходилось постоянно тянуть полевой телефонный провод, чтобы линия оставалась рабочей.

Следовавший с нашими вторыми эшелонами батальонный артиллерийский корректировщик раз за разом вызывал огонь по узлам сопротивления неприятеля. 82-миллиметровые минометы и 107-миллиметровые ракетные установки градом сметали вражеские позиции.

Пока мы продвигались вперед, я пристроился к политруку и спросил:

— Политрук, а почему не видно вражеской артиллерии и авиации?

— Да черти эти, должно быть, совсем ошалели от ударов, иначе с чего бы авиации и тяжелым орудиям молчать! Сам толком не знаю, да и неважно — главное, чтобы врага можно было уничтожить, а на них сейчас наплевать.

Политрук тоже ничего не понимал. Впрочем, нынешняя обстановка была до того хороша, что в нее верилось с трудом, и все были заняты одним — прорваться как можно глубже во вражеский тыл, загнав в котел побольше чертей.

Бить наотмашь!

Вскоре мы ворвались на позиции целого мотопехотного батальона 7-й механизированной пехотной дивизии неприятеля.

Остатки разбитого противника полностью утратили боевой дух, черти суетились и метались по всему городку, пытались прорваться и совершенно не обращая внимания на заградительный огонь нашей артиллерии.

Доложив в штаб полка примерные координаты нашей роты, политрук зычно крикнул остальным:

— Товарищи, нельзя дать врагу так легко удрать! Третий взвод и спецвзвод, за мной!

Миновав пару улиц, мы лоб в лоб столкнулись с группой прорывавшихся чертей. Без лишних слов солдаты мгновенно рассредоточились и открыли шквальный огонь по врагу из-за укрытий в зданиях. Внезапный яростный обстрел прижал вражеских солдат к земле так, что они не смели поднять головы. В этот самый момент откуда-то из близлежащего здания внезапно выскочил уцелевший вражеский танк, и пехота неприятеля тотчас бросилась в атаку вслед за бронетехникой.

— Противотанкисты! Есть противотанкисты?! Быстро сбейте эту вражескую консервную банку!
— в отчаянии завопил политрук.

Стоило политруку позвать расчеты, как совсем неподалеку от меня раздался зловеющий свист — это взлетела противотанковая ракета.

— Какого черта палить в лоб?! Мать твою!

Недовольно выругавшись, я обернулся.

Опершись спиной о обломок бетонного столба, боец с расширенными от напряжения глазами следил за вражеским танком, а из лежавшего на плече гранатомета все еще клубился тонкий сизый дымок.

<http://bllate.org/book/21115/2142676>